

«Крымское искусство»: о малоизвестных аспектах набеговой деятельности крымских татар и ногайцев

Амет-хан Шейхумеров

(Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. Нападения крымских татар на украинские, русские, польские, черкесские, молдавские земли, проводимые с различной интенсивностью на протяжении трех веков, оказали большое влияние на историю Восточной Европы. Набеги (чапулы) вызывались разными причинами: идеологическими, политическими, социальными, экономическими, при этом роль последних традиционно преувеличивается рядом историков. Нападения на соседние страны были важной составляющей внутренней жизни Крымского ханства, участие в них – предметом гордости, способом обогащения, повышением своего статуса в обществе.

Несмотря на разрушительные последствия вторжений крымской и ногайской конницы для населения региона, было бы ошибочным представлять набеги лишь как однообразные грабежи. Благодаря многочисленным источникам известно, что во время набегов люди могли спасти себя не только посредством бегства или самозащиты, но и сотрудничая с нападающими. И подданные крымских ханов и их жертвы были в первую очередь живыми людьми. Это приводило к ситуациям, когда жертвы могли спастись благодаря собственной находчивости, коммуникабельности и готовности помогать крымцам и ногайцам, которые, в свою очередь, применяли различные методы обращения с враждебным населением. Помимо преобладающего типа отношений (насилия) они иногда гуманно обращались с некоторыми людьми (в первую очередь женщинами).

Ключевые слова: Восточная Европа, коллаборационизм, крымские татары, Крымское ханство, набеги, рабство.

Для цитирования: Шейхумеров А. А. «Крымское искусство»: о малоизвестных аспектах набеговой деятельности крымских татар и ногайцев // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 71-95. DOI: 10.22378/kio.2019.1.71-95

Российский востоковед В. Д. Смирнов метко назвал набеги «крымским искусством» [36, с. 66]. Именно эта сторона крымскотатарской культуры была наиболее известной современникам. Чапулы (мы используем аутентичный татарский термин как синоним слова «набег» [23, с. 420]), проводимые силами Крымского ханства, оказали колоссальное влияние на историю, демографию, внешнюю и внутреннюю политику стран Центрально-Восточной Европы и Кавказа. Масштабные перемещения населения привели к изменениям в быте, психологии, культуре целых народов, способствовали формированию этнических и религиозных стереотипов, не до конца преодоленных по сей день. Историки традиционно обращали внимание на оборону соседних стран от набегов, страдания населения, угоняемого в неволю, вопросы выкупа из рабства и т. д. Однако при всем многообразии и объеме исследований некоторые темы остаются малоизученными. Целью данной работы является освещение ключевых причин набеговой активности крымских татар, проблематика сотрудничества части населения с татарами и малоизвестные последствия чапулов.

Причины набегов. Анализ причин рейдовой активности войск Крымского ханства является весьма обширной темой. Считаем возможным выделить четыре основные группы, дав краткое описание каждой из них.

Экономические. Массовое поступление рабов способствовало оздоровлению экономики, помогало справиться с последствиями голода, неурожая и т. д. Здоровые и красивые рабы – особенно молодые девушки – высоко ценились на невольничьих рынках, использовали их и в хозяйстве. Однако следует оговориться, что популярный тезис о набеге как основе существования крымских татар не имеет под собой научной базы. Это утверждение никогда не сопровождается пояснениями, позволяющими понять, каким образом исследователь пришел к соответствующему выводу. К примеру, Д. И. Прохоров без ссылок на источники пишет, что «наибольший доход за всю историю существования Крымского ханства приносила торговля рабами» [28, с. 397]. Аналогично – одной фразой без каких-либо расчетов экономического характера – определяет роль набегов М. Б. Кизилов: «работоторговля была краеугольным камнем крымской экономики в Раннее Новое время» [55, р. 5–6]. Часто цитируемые сведения о большом количестве захватываемых рабов не дают сами по себе никакой информации о важности работоторговли, так как плохо изучены другие сектора экономики (неизвестны доходы рядовых жителей ханства от скотоводства, земледелия, изготовления и реализации ремесленных изделий и т. д.). Не говоря уже о том, что часть невольников погибала в пути (особенно это было актуально во время зимних нападений, а также в тех случаях, когда в пути заканчивался скот, употребляемый в пищу), и между числом захваченных и доведенных до Крыма людей существовала определенная разница.

Отметим, что до сих пор не известно, каким был средний доход обычной крымскотатарской семьи при каком-либо хане и какую долю от этого дохода составляла прибыль, полученная от продажи ясырей или их трудовой эксплуатации. Невольников следовало содержать за счет хозяина, их отпускали на свободу после нескольких лет службы, а не эксплуатировали до самой старости, что наглядно показывает способность крымцев обходиться без рабского труда. Во время набегов кони часто калечились и гибли, вместе с тем в начале XVII в. невольник в Крыму стоил 20–50 золотых (эквивалентно стоимости 2–3 коней) [30, с. 195], следовательно, вопрос прибыльности нападений заслуживает более детального изучения.

Имеющиеся сведения по османской части Крыма показывают, что в 1520 г. налоговые поступления от продажи рабов составили 23,5% всех доходов [48, р. 143], в 1577–1578 гг. – 29% [53, р. 283–284]: величины, без сомнения, внушительные, но вряд ли способные подтвердить тезис о «набегах как основе существования». Неудивительно, что сторонники гипотезы о «набеговой экономике» намеренно игнорируют вышеприведенные данные. Добавим также, что постоянными нападения стали не с 1441 г. (воцарения Хаджи I Гирея на крымском престоле), а лишь с 1470-х гг. В первые годы существования ханства, в период между 1446 и 1460 гг., через Каффу было продано лишь 404 раба. Стоит согласиться с В. П. Гулевичем, считавшим, что «такие цифры не подтверждают главенство работорговли в хозяйстве татар Крымского улуса/ханства в исследуемое время» [14, с. 104]. В XVIII в. масштаб и эффективность чапулов сильно снизились по сравнению с предыдущими веками [12, с. 209–210], тем не менее нам не известны доказательства того, что уровень жизни крымскотатарского населения в этом столетии сколь-нибудь существенно снизился.

При этом не следует забывать, что степное население проживало в Крыму и ранее. В течение двух столетий, с XIII по XV вв., во время пребывания в составе Золотой Орды, крымчане не знали массовых ежегодных набегов на славянские земли (без учета походов с военно-политическими целями и отдельных чапулов местных удальцов). Более того, с 1530-х гг., с правления Сахиба I Гирея, в Крыму активизируются процессы седентаризации, в то же время интенсивность набегов неуклонно росла. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация – чем больше в ханстве было кочевого населения, тем меньше было набегов. Чем больше население оседало на землю, тем более частыми становились набеги. К примеру, по подсчетам И. О. Ворончук, на протяжении XV–XVI вв. крупное нападение татар на Волынь происходило раз в три года, в первой половине XVII в. – раз в два года [8, с. 415]. Аналогично обстояли дела и в случае с Россией: во второй половине XVI в. набегов на нее обрушилось значительно больше, чем в первой половине этого же столетия, что было связано в первую очередь с причинами политического характера. Таким образом, утверждение, что интенсивность чапулов была

вызвана особенностями скотоводческого хозяйствования, не представляется нам верным. Сколь ни важен был для экономики приток рабов, основой существования для крымских татар он не был. Реальное значение набегов как фактора, влияющего на функционирование экономики Крымского ханства, еще предстоит выяснить.

Религиозные. Полагаем, что большую роль в воинственности жителей крымского государства играл религиозный фактор. С точки зрения исламского права (шариата), все страны мира делились на Дар ас-салям (земля мира) и Дар аль-харб (земля войны). В первую категорию входили страны, признающие верховенство шариата, во вторую – страны, его не признающие. Согласно исламскому вероучению, мусульмане имели право вести перманентную войну против «земли войны». В военизированном крымскотатарском обществе право на перераспределение собственности из соседних немусульманских стран в пользу мусульман силовым путем считалось само собой разумеющимся делом. По словам польского историка О. Гурки, «татары считали полностью естественным и нормальным положение, когда «неверные», даже за пределами султанской власти, должны были платить упоминки бедным, но энергичным крымцам, а если не хотели платить добровольно, то они брали их в походах грабительских либо военных, просто благодаря своему национальному характеру, ибо любили войну!» [52, р. 292]. Идея войны как богоугодного дела получила распространение в литературных произведениях эпохи Крымского ханства. В крымскотатарской дворцовой литературе «звучат призывы, в основном поэтами-правителями, к джихаду или же газавату, то есть к священной войне борцов за веру (моджахедов) против неверных (гяуров, кяфиров)» [40, с. 103].

Еще один важный факт, связанный с восприятием чапулов, – это освобождение своих единоверцев из неприятельского плена. При описании казацких нападений на мусульманские земли историки постоянно обращали внимание на то, что казаки освобождали христианских невольников из «басурманской неволи». Однако своих пленных стремились освободить и крымцы. Так, в 1527 г. в битве под Ольшаницей, по оценке хрониста Й. Деция, литовцами было отбито 40 тыс. «голов», причем в это число входил рогатый скот и татары, освобожденные своими соотечественниками во время набега [7, с. 20]. В 1659 г., во время вторжения крымского войска в Молдавию, по словам турецкого путешественника Эвлии Челеби, было освобождено более двухсот пленников-мусульман [44, с. 168].

Во время нападения крымских татар на Речь Посполитую в 1648 г. из одного только Бара было освобождено 27 пленных, не считая большого количества «мусульман, остававшихся в плену в руках гяура уже по сорок и по пятьдесят лет... Были прочитаны молитвы и вознесено благодарение, шедшие из глубины сердец, – и нет сомнения в том, что с помощью Все-

вышнего стрелы их молитвословий попали в предполагаемую мишень» [18, с. 31–32]. Истории о состарившихся в польском плену татарах не являются преувеличением. Когда 3–4 октября 1648 г. казаки и крымские татары прибыли в Броды, они отправили в замок письмо с требованием выдать тех татар, что были пленены польским военачальником Станиславом Конецпольским и принуждались к работам по укреплению замка. Всего в Бродах находилось 80 татарских пленников. В обмен союзники пообещали, что не тронут город и замок. Несчастные невольники постарели в плену. Это событие имело важное моральное значение для крымцев, и именно ради освобождения пленных они с казаками подступили к Бродам [15, с. 11–12]. Таким образом, во время набегов десятки и сотни татар и турок возвращались в исламский мир, к своим родным и близким, а в войсках, предпринимавших специальные усилия по их освобождению и, несомненно, воодушевляемых радостью встречи с единоверцами, по этому поводу проводились торжественные молитвы.

Крымские татары из-за своей рейдовой активности в целом негативно воспринимались как в соседних державах (Речи Посполитой, России или Молдавии), так и в христианском мире как таковом. В самом же Крыму, как мы уже упоминали ранее, отношение к набегам было положительным. Но как же к регулярным нападениям крымской конницы на христианские народы относились в мусульманском мире в целом?

Чапулы формировали положительный имидж крымских татар в глазах остальных мусульман, считавших их героями Дар ас-салям. В Османской империи ханство воспринималось как северный форпост исламского мира, защищающий его от внешних угроз. В глазах простого османского населения крымцы являлись непобедимыми воинами [46, р. 41]. Слава крымскотатарских воинов разносилась далеко за пределами Крыма. Сербский историк Т. Катич отмечала: «Татар крымского хана было почти невозможно контролировать. Для многих мусульман они были предметом восхищения и благоговения, символом героизма и воплощением эпических персонажей времен Чингисхана, отличными всадниками и воинами, достойными не только в литературе, но и официальных государственных документах носить эпитеты «легконогие», «быстроногие», «быстрые как ветер», «ловцы неприятеля», «героические» и «мужественные» и т. д.» [45, с. 108–109]. Слова Эвлии Челеби могут служить подтверждением того, что слава крымских татар как героев исламского мира была связана с постоянными нападениями на немусульман: «слава Богу, на народ татарский этого Крымского острова Величайший Творец обратил благосклонный взор. В какую бы сторону они ни обратились, они всегда выходят победителями и приносят в землю неверных беспокойство и суматоху. Все неверные Кыфиристана в страхе и ужасе перед татарами теряют надежду и остаются в безверии. Слава Богу, этот народ татарский – правоверные единобожники, сунниты. Их община подобна полку муджа-

хидов-газиев... С помощью Бога они стали мощной защитой рода Османов, и со всеми неверными они ведут битвы, сражения, войны и смертоубийства» [45, с. 25–26]. Акцентируя внимание на отрицательном отношении христианского мира к набегам, не следует забывать, что последователи другой мировой религии – ислама – считали совершенно иначе.

Политические. С точки зрения крымских элит, разрушительное вторжение было справедливым ответом на задержки в принятии выгодных Гиреям решений, таких как выплата дани, внешнеполитический курс и т. д. По замечанию польского историка А. Гливы, набеги «использовались татарской стороной как альтернативный способ трансляции политической воли крымского руководства, а также способ непрямого влияния на Речь Посполитую и шляхетское сообщество. С этой точки зрения, татарскую активность асимметрического характера можно интерпретировать как форму опосредованного влияния («indirect approach») посредством политико-экономического давления на правящие круги с целью принятия тех или иных решений или ослабления позиции противника в тех или иных вопросах» [11, с. 55].

Чапулы также служили действенным инструментом сдерживания русской и украинской колонизации Дикого поля. Крымские ханы рассматривали полосу степей между собой и своими северными соседями как буферную зону. Отсутствие на ней неподконтрольного Бахчисараю населения служило залогом того, что неприятельские армии не смогут преодолеть логистические трудности, связанные с продолжительным маршем через степь. Таким образом, мнение, что ханство существовало так долго благодаря широкой полосе степных земель, отделявшей его от врагов, следует дополнить. Не только Крымское ханство существовало благодаря Дикому полю, но и Дикое поле существовало благодаря Крымскому ханству. Степь была своеобразной «засечной чертой» Крыма, и крымские татары следили за тем, чтобы она была способна надежно их защитить. Набеги как средство уменьшения народонаселения на северных рубежах государства Гиреев и борьбы с российским «натиском на Юг» доказали на практике свою эффективность. Только в 1736 г. русская армия вступила на территорию Крыма: лишь век спустя после того, как русские вышли к берегам Тихого океана и основали там свои первые поселения.

Крымские татары прекрасно понимали стратегическое значение Дикого поля [35, с. 692]. Поэтому они отрицательно относились к процессам стабилизации границ в XVIII в.: отсутствие у населения страха быть угнанным в неволю и обретение уверенности в завтрашнем дне означали активизацию колонизации. Полагаем, что продвижение оседлого славянского населения на юг способствовало падению ханства в куда большей степени, чем развитие тактики и военных технологий в XVIII в. Во всяком случае, создать достаточную плотность огня, чтобы с высокой долей вероятности отбить кавалерийскую атаку (хотя бы и с использованием табора), русские могли уже

в XVII в., задолго до того, как их реформированные Петром I армии вышли к Перекопу. Оба русских военачальника, командовавшие грандиозными походами на ханство, – В. В. Голицын в 1689 г. и Б. К. Миних в 1736 г. – сумели отразить натиск крымской конницы с небольшими потерями в регулярных войсках (хотя иррегулярные казачьи части при этом пострадали существенно больше). Однако Голицын, начавший поход с территории Слобожанщины, сумел лишь дойти до полуострова, Миних же, опираясь на куда более близкую к Крыму базу в Присамарье, преодолел во время марша сходное расстояние, на пике своих успехов взяв Бахчисарай.

Социальные. Для крымцев вторжения на территорию соседних стран являлись позитивным явлением, способствующим консолидации общества, повышению статуса и благосостояния его членов и направлению энергии на врагов. Подобно тому, как в современном обществе кумирами молодежи становятся спортсмены или деятели искусств, в ханское время образцом для подражания были удачливые чапулбаши (руководители рейдов) и другие храбрцы, обретавшие себе славу и почет в обществе опустошительными рейдами на соседние государства. Характерной в связи с этим представляется история именитых братьев Шахина и Мехмеда Гиреев, которые проводили набеги на польские земли с целью приобретения популярности среди населения [35, с. 476]. Предполагаемое участие в очередном набеге прославившихся во время прошлых рейдов наездников должно было стать для рядовых участников залогом успеха и способствовало проведению действий по привлечению добровольцев [34, с. 42]. Мы согласны с мнением молдавского исследователя Д. И. Хайдарлы, писавшего, что «любое вооруженное действие татаро-ногайской кавалерии на территории любой из соседних стран представлялось в сознании ее участников как акт удалства» [41, с. 73–74].

В глазах крымских мужчин немаловажное место занимал захват чужих женщин. Крымские татары, по словам одной из жен хана Мехмеда I Гирея, шли в набеги, чтобы «чужих жен добывать» [32, с. 364]. Привезенная из далекой страны чужеземная жена было живым свидетельством мужественности и отваги. Рейдовая активность приводила к формированию новых семей и расширению уже существующих (учитывая включение в них невольниц). Набеги воспринимались родственниками воинов как положительное явление: «Лишь надежда на добычу заставляет их действовать и выступать в поход, они надеются на малейшую новость о каком-либо набеге, заранее радуясь благам, которые он им принесет. В этом случае они совершают домашнюю молитву, прося у бога побольше молодых рабов, юношей и девушек для продажи, одним словом, всяческой добычи. После каждого отрывка молитвы их жены, дети, отцы или матери, братья или сестры, которые остаются дома, чтобы смотреть за скотом и т. д., отвечают «Аминь» [29, с. 192].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что названные причины пере-

плетались в мотивации ханских подданных в единое целое. По замечанию В. Остапчука, «если экспедиция была неудачной с военной точки зрения, вероятно, в мыслях татарских воинов она могла бы быть скомпенсирована захватом достаточного ясыря; наоборот, без достаточного ясыря победа могла казаться неполной» [23, с. 411].

Последствия. Хотя последствия чапулов ввиду своего разнообразия и значения заслуживают отдельного исследования, мы считаем возможным в рамках данной работы обратить внимание на некоторые обстоятельства психологического и культурного характера, сопровождавшие набеговую деятельность крымских татар.

Психологические. Чапулы были крымским аналогом доктрины Дуэ. «Во время набегов татарские войска использовали разные методы и дестабилизационные приемы для влияния на психику атакованного населения, что непосредственно отражалось на результативности проведенных операций. Использование страха как эффективного инструмента влияния на жертв ордынских набегов занимало не только ключевое место в татарском военном искусстве, но также играло важную роль в политическом и религиозном аспектах. Последнее заключалось в том, что страх «неверных» перед законным применением военной мощи властителей-ордынцев был неотъемлемой составляющей в идеологии крымских ханов» – писал А. Глива [11, с. 62]. Неудивительно, что образ татар в украинском фольклоре связан с опасностью и тревогой. В песне «Злой татарин, адский сын» первые четверостишия заканчиваются словами «Утеcati треба». Ответ на действия нападающих указан в ней простой: «А мы будем утеcati» [38, с. 383].

Возможно, ужас перед страшным врагом, в прямом смысле слова живым олицетворением ночных кошмаров, приводил к тому, что «даже закаленные в боях воины, подобно крестьянам, по ночам переживали чувство страха, вызванного глубоко запечатленным в памяти образом ясного лунного света, сопровождавшего татарские набеги» [11, с. 63]. Следствием чапулов было то, что матери пугали маленьких детей рассказами о злых татарах, которые придут и заберут их из-за непослушания. В польской историографии существует распространенное мнение о психологических проблемах, испытываемых некоторыми польскими воинами в войнах с Крымским ханством. Вероятно, набеги были одной из причин того, что новобранцы в польских войсках второй половины XVII в. боялись татар и обретали уверенность в себе лишь после первых успехов в боях с ними. Польский историк Я. Виммер, отметивший эту любопытную деталь, полагал, что это вызвано поражениями польских войск в битвах под Желтыми Водами и Корсунем в 1648 г. [63, р. 281]. Однако есть указания на существование соответствующего морального аспекта в более раннее время. По мнению Р. Маевского, к бегству польской конницы в битве под Цецорой в 1620 г. привели «боязнь окружения и страх перед та-

тарами» [57, р. 189]. Р. Романьский отмечал: «Умело маневрирующая, подвижная татарская конница была весьма грозным противником для польской конницы. Чамбулы на протяжении долгих десятилетий были единственным противником, кто ходил вглубь Речи Посполитой и наносил ощутимые потери населению. По этой причине население территорий, подвергавшихся нападению этих отрядов, были склонны считать орду непобедимым войском» [58, р. 55]. Как считал К. Шайноха, именно глубоко укоренившийся в сознании польской шляхты страх перед татарами привел к тому, что, желая оправдать свои поражения, поляки приписывали военные успехи татар их колдовству [61, р. 220]. Хотя есть достаточно примеров паники и моральной неустойчивости шляхетского ополчения (посполитого рушения) во время татарских атак, нужно признать, что трудно провести грань между страхом, вызванным боязнью столкнуться именно с татарами и боязнью боестолкновения как такового.

Схожие случаи были отмечены в России. А. А. Новосельский писал, что в 1630-е гг. гарнизон Валуйки страдал от дезертирства, добавляя, что, вероятно, защитники города были деморализованы непрерывными татарскими набегами. Стрелецкий и казачий голова В. Каменев даже публично заявлял: «побежим де по лесам, не усидеть де нам от крымского (царя)» [22, с. 232–233]. Полагаем, что психологические факторы повлияли на формирование высокой репутации крымских воинов.

Культурные. Влияние набегов на русский, украинский или польский языки хорошо известно. Однако соответствующему влиянию подвергся и крымскотатарский язык. Славянские женские имена и слова, обозначающие девушек, у крымских татар эпохи ханства приобрели характерные значения, связанные с подчиненным положением иноземных женщин. Имя «Мария» использовалось для обозначения рабыни [45, с. 222]. Слово «марушка/марушке» в современном крымскотатарском языке означает «русская женщина». Однако есть указания на то, что когда-то так называли жену. Е. М. Бакунина, побывавшая в Крыму в годы Крымской войны, вспоминала о своем опыте общения с крымскими татарами: «Я, с Монтандоном в руках (путеводителем по Крыму), разговариваю с татариним, спрашиваю, скоро ли у него будет марушка (жена). Он отвечает, что хочет марушку в 100 карбованцев (серебряный рубль)» [5, с. 532].

Можно сделать вывод, что в эпоху ханства Крым посетило столь большое число восточнославянских женщин, что одним и тем же словом крымцы стали называть и жену, и русскую девушку. Согласно остроумной гипотезе польского историка Р. Романьского, из-за татарских набегов на украинских землях даже уменьшалась доля красивых женщин, на протяжении долгих десятилетий регулярно пополнявших мусульманские гаремы [59, р. 10]. Еще одно слово, «тевка/тевка» (происходит от слова «девка») имело среди прочих

значение «служанка» [33, с. 224]. Современный исследователь О. Рустемов полагает, что слово «дюке» (то есть молодая невольница) произошло, вероятно, от слова «девка» [30, с. 56]. Таким образом, регулярные набеги и, как следствие, перемещение женщин на территорию Крымского полуострова обогатили крымскотатарский язык.

Сотрудничество татар с населением. Дабы спастись от неволи, люди избирали различные стратегии выживания. Следуя классификации польского военного писателя XVI в. С. Сарницкого, мы можем выделить три типа поведения: оборону, бегство и сотрудничество [60, р. 436–437]. Оборона от набегов (трех видов: организуемая государственной властью, местной администрацией или простыми жителями) довольно хорошо изучена в научной литературе, ей посвящали целые монографии. Потому мы не будем подробно останавливаться на ней. Массовое бегство населения в ближайшие замки, болота, леса как реакция на угрозу неволи также не является секретом. Намного меньше известно о различных формах взаимодействия, благодаря которым некоторые жители могли сохранить себе жизнь и свободу. Хотя в подавляющем большинстве случаев набег означал для не сумевших бежать или защититься людей неволю или смерть, считаем нужным уделить детальное внимание более редким, и вместе с тем малоизвестным примерам кооперации и коллаборационизма. Мы используем неологизм «коллаборационизм» для обозначения действий некоторых жителей восточноевропейских стран, так как с точки зрения властей этих государств взаимодействие собственных подданных с крымскими татарами, направленное против вооруженных сил и населения соответствующих держав, являлось преступлением и расценивалось как измена. Подобное восприятие делает, по нашему мнению, возможным применить в рамках данного исследования термин «коллаборационизм».

Было бы ошибочным изображать чапулы как графаретное и шаблонное явление. Взаимоотношения, складывающиеся между нападающей стороной и жертвами агрессии, всякий раз зависели от частных факторов. В большинстве случаев дело сводилось к убийствам и угону в неволю. Однако так было далеко не всегда. Каждый крымский татарин был личностью, со своими взглядами на жизнь и других людей, с собственными симпатиями и антипатиями. Известен случай, когда перед набегом на Снятин в 1617 г. некоторые татары, имевшие побратимов среди снятинцев, сумели заранее предупредить их о грозившей опасности, благодаря чему большая часть жителей успела спастись [31, с. 62]. В 1648 г. польский шляхтич С. Г. Друшкевич стал пленником крымских татар, спустя четыре года во время битвы под Батогом он снова оказывается в плену у жителей того же крымского села, к которым попал первый раз, «и то спасло мне жизнь, что попался знакомым татарам» [49, р. 88, 90]. Друшкевичу повезло, ведь большую часть польских военноплен-

ных (вероятно, не имевших хороших знакомых среди крымских татар) после Батожской битвы перебили по согласованию с казацким командованием.

К сожалению, историки редко обращали внимание на спорадические попытки некоторых людей задобрить татар или оказать им какие-либо услуги взамен на обеспечение собственной безопасности. Единственное известное нам описание подобных случаев применительно к юго-восточным воеводствам Речи Посполитой составлено А. Гливой. Польский исследователь выделил три вида договорных отношений: соглашения муниципальных властей с татарами (в форме откупа либо помощи); тактическая договоренность (например, просьбы о милосердии); сотрудничество отдельных лиц или групп населения [51, р. 441–445]. В свою очередь, мы можем выделить пять форм кооперативных контактов населения с нападающей стороной.

Просьбы и откуп. С. Сарницкий считал, что кроме тех, кто сражается или бежит, были и те, кто пытался умиловить татар, просил их о гуманности (и иногда успешно). Он писал про следующий любопытный случай: какая-то волынская панночка ожидала гостей в своем поместье, накрыв праздничный стол. Однако вместо гостей во двор въехали татары. Женщина не растерялась, вышла к ним и... пригласила к столу, объявив, что как раз ждала их в гости. Татары зашли в дом, пили и ели с ней, не причинив никакого вреда. Лишь на прощание попросили хозяйку впредь быть осторожнее. Другой упоминаемый Сарницким персонаж, пан Збигнев Слупецкий, спас своего отца от татар тем, что вынес им денег и выпивки [60, р. 437]. Подобный случай сообщен М. Стрыйковским: в 1449 г. брацлавский пан Юрий пригласил татар к себе в замок и пировал с ними, чем, вероятно, и спас свои земли от разорения [37, с. 728]. Во время вторжения Шехбаза Гирей в Польшу в начале 1695 г. татары подступили к самому Львову. Когда они вошли в Глинянское предместье, монахи одного из монастырей, дабы избежать разорения, написали письмо, повесив его на воротах принадлежащего им фольварка, с просьбой о пощаде, указывая, что они лечили всех, кто к ним поступал, оказывая помощь в том числе и мусульманам. Шехбаз Гирей, узнав от своих людей, что это правда, приказал оставить монастырские владения в покое [47, р. 41–42].

Активная помощь. Крымские татары в своих кампаниях широко использовали в качестве шпионов, проводников и разведчиков уроженцев тех мест, через которые двигались их войска. Например, дезертировавший из царской армии М. Афанасьев проводил войско Бахты Гирей во время знаменитого «Кубанского погрома» 1717 г. «известными только ему дорогами между Доном и Волгой» [13, с. 117]. Потому можно было избежать рабства, оказывая активное содействие татарам. Некоторые крестьяне покупали себе свободу тем, что выдавали противнику места, где прятались их односельчане [24, с. 99]. В некоторых случаях это была помощь поневоле: будучи словленным, крестьянин был вынужден показывать, куда ушли остальные [60,

р. 436]. В фольклоре жителей польского городка Липник сохранилась легенда о крестьянке Каське Слупиковой, которая показала татарам тайный проход в осаждаемый ими замок в Ходакувке, что позволило взять его штурмом, хотя позднее она была казнена по приказу польских властей [50, р. 60]. Те, кто уже попадал в неволю, могли заслужить свободу, работая проводником [43, с. 580; 22, с. 349]. Один из наиболее трагических примеров вынужденной помощи невольников имел место во время прорыва крымской конницы через Карпаты в июле 1594 г., во время марша Гази II Гирея в Венгрию. По приказу хана перед переходом гор крымские татары перебили захваченных ими по дороге ясырей, жизнь сохранили лишь тем, кто участвовал в работах по расчистке завалов на Торуньском перевале и после был отпущен на волю [56, р. 53].

Помощь предоставлялась не только на индивидуальном уровне. Городские власти в некоторых случаях пытались договориться с проходящими неподалеку татарскими отрядами. Во время отступления буджакцев после проведенного ими набега на Червонную Русь зимой 1692 г. власти Снятина и Городенки заключили соглашение с татарами, предоставив им еду и лекарства взамен на гарантии неприкосновенности [51, р. 441–442].

Военное сотрудничество. Группы, традиционно воспринимаемые в украинском дискурсе как защитники Украины, – опришки, запорожцы, гайдамаки – часто сотрудничали с крымскими и ногайскими татарами. В 1621 г. татары и опришки совместными усилиями препятствовали снабжению польско-запорожских войск, оборонявшихся под Хотином, перехватывая возы с продовольствием и оружием [15, с. 243]. В 1672 г. Подолье перешло под власть Турции. Одним из следствий этого стало участие подольских крестьян в совместном с татарами чапуле на Волынь и Червонную Русь в 1684 г. [62, р. 223]. В 1769 г. гайдамаки в числе более чем 1400 человек участвовали в знаменитом ханском вторжении в Новую Сербию [26, с. 134]. Во время грандиозных набегов крымских татар на Речь Посполитую в период между 1648 и 1699 гг. украинские казаки часто действовали вместе с крымцами, помогая захватывать им ясырь. Это относится к походам времен Богдана Хмельницкого (который фактически расплачивался за свободу одной части Украины порабощением населения другой ее части), Петра Дорошенко и других гетманов. В 1695 г. отряды «ханского гетмана» Стецика сражались вместо с буджакцами Гази Гирея против казаков Палия во время боев за Фастов: «пришел... крымского хана сын со многою ордой да изменник Стець с казаками». В окрестностях города «татары и казаки многих людей в полон побрали, а иных побили» [27, с. 371].

О неоднозначном восприятии работорговли частью украинского населения говорит следующий факт. В 1752 г. жители города Саврань даже заключили своеобразное соглашение с очаковскими татарами, похищая в окрест-

ных городах детей и жен и привозя их на продажу татарам. Очаковские же жители, в свою очередь, крали коней у ногайцев и меняли их у савраньцев на людей [4, с. 562–563].

Военное сотрудничество с татарами нашло свое отражение в украинском фольклоре [19, с. 10]. В одной из песен мать прогоняет казака из дома:

«– Пойди, сыну, геть од мене!

Нехай тебе Орда возьме!

– Мене, нене, Орда знае –

Среблом, злотом наделяє!» [19, с. 5].

Хотя в целом набеги конницы Гиреев воспринимались населением как страшная трагедия, часть его сумела извлечь из них свою выгоду. Благодаря содействию некоторых жителей окрестных стран заметно усиливалась результативность чапулов. Если бы не поддержка со стороны отдельных людей и целых групп населения (например, казаков или гайдамаков), количество уведенного в Крым ясыря было бы, несомненно, значительно меньше. Не случайно период наиболее активного в истории сотрудничества украинских гетманов с крымскими ханами (начиная с 1648 г. и до конца XVII в.) был одновременно и периодом наиболее сильного запустения украинских земель в результате резко возросшей эффективности набегов. Изучение положительного влияния коллаборационизма на набеговую активность крымских татар является перспективным направлением в исследовании истории Крымского ханства и стран Восточной Европы.

Женский коллаборационизм. Основным нашим источником в данном случае является фольклор. Это объясняется тем, что истории времяпрепровождения обычных людей во время отправки невольников в Крым известны во многом благодаря народной памяти. Отношения между обычным татаринном и полонянкой не освещались на страницах летописей, диариушей или других источников, составляемых, как правило, представителями элит и потому обращавших внимание на более важные (с их точки зрения) события. Как свидетельствуют многочисленные украинские, русские и польские народные песни, взаимоотношения между татарами и их жертвами женского пола складывались по-разному. Устное народное творчество ряда славянских народов содержит немало упоминаний о тяжелых условиях рабства, жестоким обращении с ясырями, убийствах, совершаемых во время набегов (в том числе грудных младенцев [10, с. 268]). Не все полонянки, даже будучи женами или наложницами крымских татар, были довольны своей жизнью. В польской народной песне пленная девушка жалуется на то, что должна «мыть ноги черному татарину» (то есть жить с ним как жена), и жалеет, что мать не утопила ее в Висле [64, р. 67–68]. Однако в целом отношение к пленным женщинам было более гуманным, чем к мужчинам. К тому же жены и наложницы могли, попав в богатые семьи, надеяться на неплохие условия жизни.

Об этом говорит то, что черкесы сами продавали своих дочерей в Крым и Турцию, рассчитывая, что те будут жить в более сносных условиях, чем в Черкесии [1, с. 54, 134]. В большом количестве фольклорных памятников татары относятся к пленницам ласково, дарят им подарки, пытаются по мере своих сил утешить их, гуляют с ними, катают их с собой верхом на конях.

В одной русской народной песне трое татар берут в плен русскую девушку. Двое угрожают убить ее, а третий, напротив, обращается ласково:

«Я тебя в полон возьму!

Садися ты, красная девушка, на моего добра коня,
Как поедем мы с тобой во зеленые луга!» [2, с. 52].

В украинской народной песне казак печалится о том, что татары увели его коня и подарили его плененной ими девушке, которая уже смирилась с фактом своего похищения:

«А моего коня ведут,
На нем сидит девка бранка,
Девка бранка Марьянка;
Русую косу расчесала,
К батеньке письмо писала:
Пусть же отец не беспокоится,
Пусть же мой посаг не готовит:
Я уже посаг потеряла
Под явором, яворином
С неверным татаринном» [65, р. 172].

В другой русской народной песне «татарский князь» утешает русскую пленницу:

«Как на той ли на кровати
Сам татарский князь лежит.
Перед этим перед князем
Полоняночка стоит,
Из московской стороны,
Обливалась слезами.
«Ты не плачь, не плачь, девица,
Не плачь, душенька моя:
Уж я сам тебя, девица,
Возьму замуж за себя» [25, с. 189].

Благодаря дошедшим до нас памятникам украинского фольклора мы узнаем, что существовали ситуации, когда между своим мужчиной и похитившим ее крымским татаринном девушка добровольно выбирала последнего и уходила с ним в Крым. Исследователь «невольничьих дум» украинского фольклора А. Кашенко отмечал, что «из жизни поработанных женщин народные думы упоминают про случаи очень легкомысленной измены своему мужу и

родному краю» [16, с. 35–36]. В украинской народной песне «О Богданке» главный герой – казачий гетман Богдан Ружинский – узнает, что его невесту похищают татары. Он собирает своих товарищей и находит татарский лагерь.

«Татарин по табору ходить, миленьку за ручку водить.

– Гей, одсунься, миленька, нехай заб’ю татаренка!

– Чи заб’еш, чи не заб’еш, тільки мене з ума зведеш.

Чи влучиш, чи не влучиш, тільки мішкання розлучиш.

Ой, сидлай, милый, коня: ти ж не мой, я не твоя!

Гей, коли жива буду, то я тебе не забуду» [20, с. 77].

В ином варианте этой песни девушка открыто заявляет Ружинскому, что влюбилась в похитителя и не видит себе жизни без него, заявляя, что если казачий вождь хочет убить татарина, то пусть убивает и ее:

«Міже ними баша сидить, на колінах милу держить.

– Ой миленька, миленька, одсунься от башенька,

Бо я башенька вбю, а миленьку собі візьму!

– Коли бьеш – бий обоє, бо башенька серце мое!» [16, с. 36].

По мнению А. Кащенко, «последние слова показывают измену женщины не вынужденную, а свободную и к тому же сразу же после порабощения» [16, с. 36–37]. И действительно, в вышеприведенной песне сюжет таков, что именно от женщины зависит, с кем она останется далее, и свежеиспеченная полонянка решает: она спасает похитителя-татарина от бывшего жениха. В другом памятнике украинского фольклора – знаменитой думе про Марусю Богуславку – женщина также имеет возможность покинуть мужа-мусульманина, однако героиня не желает этого и не хочет, чтобы отец выкупил ее:

«Бо же я потурчилась,

Побусурменилась,

Для роскоші турецької,

Для лакомства нещасного!» [39, с. 312].

Наиболее наглядной демонстрацией привыкания пленниц к крымским татарам является известная русская народная песня о пленнице и ее матери, ставшей в неволе нянькой своего внука, пожалуй, наиболее известная из всех русских народных песен о полонянках (эту песню пели также и в Украине, и в Польше). Русский этнограф В. П. Киреевский называл ее «прекрасной, яркой и весьма распространенной» [25, с. 189]. Содержание ее следующее: во время набега в плен к молодому татарину попадает русская девушка. Он женится на ней, и они заводят ребенка. Через три года муж приводит домой новую пленницу, которой поручают нянчить ребенка. Девушка настолько привыкла к новому дому, что в песне ее уже называют «татаркой». Выясняется, что новая пленница – это ее мать. В зависимости от версии песни бабушка либо уезжает из Крыма, отпущенная дочерью, либо остается жить с ней [25, с. 190–199].

Корни подобного поведения следует искать в особенностях женской психологии, более склонной к подчинению, в силу чего женщины традиционно считались легко ассимилируемыми. Французский консул в Крымском ханстве де Тотт передает слова хана Крыма Гирея: «Мужчина даже в рабстве остается существом более-менее независимым, и его обращение представляется некоторого рода чудом. В свою очередь, обращение женщин – самое простое и естественное явление. Ибо женщина всегда будет верить в то, во что верует ее любовник, и будет следовать любви как великому миссионеру, которому невозможно противиться» [21, с. 81].

Любопытный факт: в народных песнях славянских народов такие действия женщин не считались предательством, они подаются как некая данность. По мнению А. Галенко, «избегают думы и характеристики женщин как ренегатов, ведь другого пути для невольниц не было» [9, с. 214]. Вместе с тем последующие исследователи фольклора нередко более резко отзывались о героинях песен и дум, примером чему могут служить уже процитированные нами слова А. Кашенко. Полагаем, что соответствующие действия женщин можно отнести к коллаборационизму, согласно классификации российского исследователя Б. Н. Ковалева, выделявшего девять видов коллаборационизма, включая половой [17, с. 348–365], под которым подразумевалось сожительство с военнослужащими неприятельских армий.

Де Тотт оставил описание того, как крымские татары вели ясырь: «Впереди татарина сидит пленная девушка, и он поддерживает ее левой рукой» [21, с. 73]. В русской народной песне поется:

«Как наехали на красну девицу три татарина,
Три татарина-басурманина,
Как взяли они красну девицу, посадили за круты бедра,
Повезли ее в землю татарскую, землю басурманскую» [2, с. 55].

Можно предположить, что подобная форма транспортировки женщин была направлена на формирование более близкой связи между пленницей и ее похитителем. В пользу такого предположения говорит содержание «Песни казака Плахты», созданной в XVII в. Текст песни представляет собой разговор запорожского казака с украинской девушкой. Они договариваются жить вместе у казака на Запорожье, причем мужчина обещает, что повезет девушку на коне, держа ее за бедра и привязав шнурами – так, как было принято возить полонянок у крымских татар [42, с. 299]. То есть в этой песне казак, желая создать романтическую атмосферу, сознательно подражает татарскому обычаю обращения с пленными женщинами. Вторым нашим аргументом является то, что ханские всадники были известны своей легкостью снаряжения. Было проще транспортировать ясырей пешими и связанными (или, во всяком случае, везти на втором коне), чем практически удваивать вес, который приходилось нести малорослому бахмату на протяжении нескольких

недель. Тем не менее в этом случае на первый план выходили соображения личного характера.

Добровольный уход в ясырь. Пожалуй, самой редкой и экзотической формой сотрудничества являлся добровольный уход людей в неволю. Несмотря на превалирующее представление о страшных последствиях порабощения, в экстраординарных случаях, связанных с войнами, гуманитарными катастрофами и т. д., некоторые люди полагали, что плен дает возможность вести стабильное существование. Во время восстания Хмельницкого «немало украинцев убежало в неволю к татарам, лишь бы избежать встречи со своими, ибо так избегали смерти» [42, с. 343]. К уходу в ясырь с целью избежать гибели во время Хмельниччины прибегали евреи. Автор известного описания страданий еврейского населения в 1648 г. Натан Ганновер сообщал, что три тысячи подольских евреев, узнав о приближении татар и казаков и не ожидая от казаков ничего хорошего, предпочли стать пленниками татар [6, с. 95]. В 1675 г. среди украинского правобережного населения, измученного войной и голодом, «многие сами добровольно в орду» хотели уйти [3, с. 45]. На первый взгляд добровольная неволя противоречит предлагаемой нами типологии, так как это не спасение от рабства, но, напротив, движение к нему навстречу. Однако полагаем, что ее можно отнести к кооперации, так как люди, идя к татарам, считали, что спасаются от смерти и, таким образом, извлекают из происходящего свою выгоду.

Вывод. Чапулы крымских татар привели к многочисленным страданиям населения, подвергавшегося нападениям, и повлияли на укрепление негативного имиджа крымцев в христианской Европе. Но не следует забывать позитивный эффект набегов для крымскотатарской истории и лояльное отношение к ним мусульманского мира. Для Крымского ханства набеги были эффективным средством сдерживания славянской колонизации, помогали добиться политических выгод, способствовали развитию экономики. Хотя для подавляющего большинства жителей соседних стран вторжение татарских войск означало катастрофу, находились те, кто извлекал свою выгоду из них. Коллаборационизм не только позволял людям спастись от неволи, но и повышал результативность самих нападений. История чапулов – это не только история государств, цивилизаций или культур, это история живых людей и их взаимоотношений. Полагаем, что без учета этого история набеговой активности Крымского ханства не будет полной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. *Азбелев С. Н.* Исторические песни. Баллады. М.: Сокровище, 1986. 622 с.

3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 12. СПб., 1882. 874 с.
4. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 2. К., 2000. 752 с.
5. Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860) // Вестник Европы. 1898. Том 2. Кн. 3–4. С. 511–556.
6. Боровой С. Я. Еврейские хроники XVII столетия. (Эпоха «хмельничины»). Иерусалим: Гешарим, 1997. 355 с.
7. Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К.: Інститут історії України НАН України, 2016. 299 с.
8. Ворончук І. О. Населення Волині в XVI – першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники. К., 2012. 712 с.
9. Галенко О. Зрадники-герої або український ідеал потуреченця // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 6. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006. С. 203–231
10. Героїчний епос українського народу. Хрестоматія. К.: Либідь, 1993. 431 с.
11. Гліва А. Асиметричний аспект татарського військового мистецтва (XVII ст.) // Український історичний журнал. 2018. № 3. С. 46–72
12. Грибовський В. В. Типологія татарських набігів у XVIII ст. // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 5. 2000. С. 206–211
13. Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137.
14. Гулевич В. П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
15. Жерела до історії України-Руси. Том 6. Львів, 1913. 425 с.
16. Кащенко А. Неволя бусурманська в українській народній поезії. Катеринослав, 1918. 64 с.
17. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
18. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 67 с.
19. Максимович М. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. 234 с.
20. Максимович М. Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Часть I. М., 1834. 180 с.
21. Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической учетной архивной комиссии. 1909. Том 43. С. 1–87.
22. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: Наука, 1948. 447 с.
23. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымскотатарским походам // Источниковедение истории Улуча Джучи. От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.

24. *Паньків М.* Топоніми, мікротопоніми, легенди як вияв етнокультурної пам'яті про татаро-турецькі набіги на Прикарпаття (XV–XVII ст.) // Карпати: людина, етнос, цивілізація. 2012. Вип. 4. С. 91–102.
25. *Песни, собранные П. В. Киреевским.* Часть II. Песни былевые, исторические. М., 1868. 214 с.
26. *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Том I. 1769 г. СПб., 1866. 351 с.
27. *Петровський М.* Нариси історії України XVII – початку XVIII ст. Харків: Державне видавництво України, 1930. 454 с.
28. *Прохоров Д. А.* Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV–XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Выпуск 8. С. 388–403.
29. Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т. д. // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.
30. *Рустемов О.* Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.
31. *Сас П.* Шлях армії султана Османа II до Хотина 1621 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2014. Вип. 14. С. 56–70.
32. Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 95. СПб., 1895. 766 с.
33. *Симанская Е. Э.* Гендерные оппозиции в лексической системе крымско-татарского языка // Мова і культура. 2011. Вип. 14. Том 6. С. 223–226.
34. *Скальковский А. А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть III. Одесса, 1846. 330 с.
35. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 824 с.
36. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. 253 с.
37. *Стрийковський М.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. 1075 с.
38. Українська поезія. Середина XVII ст. К.: Наукова думка, 1992. 680 с.
39. Українські народні думи. У 5 т. Том 1. Думи раннього козацького періоду. К.: ІМФЕ НАН України, 2009. 856 с.
40. *Усеинов Т. Б.* Крымскотатарская дворцовая литература XV–XVII веков // Культура народов Причерноморья. 2001. № 25. С. 102–105.
41. *Хайдарлы Д. И.* Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XVIII в. «1718–1774 гг.»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кишинев, 1998. 163 с.
42. *Шевчук В.* Муза роксоланська. Українська література XVI–XVIII століть. У двох книгах. Книга 1: Ренесанс. Ранне бароко. К.: Либідь, 2004. 401 с.
43. *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков. Том I. Владимир, 1906. 1072 с.
44. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины. М.: Наука, 1961. 375 с.

45. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 274 с.
46. Brian Glyn Williams. The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington: D.C.: The Jamestown Foundation, 2013. 54 p.
47. *Czołowski A.* Najazd tatarów na Lwów w 1695 r. Lwów, 1902. 47 p.
48. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 5, No. 2 (June 1981), pp. 135–170.
49. *Druszkiewicz S. Z.* Pamiętniki 1648–1697. Siedlce, 2001. 171 p.
50. *Gliwa A.* Doświadczenie inwazji tatarskich w narracjach ludowych i pamięci zbiorowej jako niematerialne dziedzictwo kulturowe Polski południowo-wschodniej // Ochrona Zabytków. 2014. № 1. pp. 53–73.
51. *Gliwa A.* Strategie przetrwania ludności ziem południowo-wschodnich Rzeczypospolitej podczas najazdów tatarskich w XVII wieku // Hortus bellicus: studia z dziejów wojskowości nowożytnej: prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2017. P.p. 421–448.
52. *Górka O.* Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. Tom 8. Zeszyt 2. pp. 185–295.
53. *Inalcik H., Quataert D. eds.* Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994. 1026 p.
54. *Katić T.* Tursko osvajanje Srbije 1690. godine / The Ottoman Conquest of Serbia in 1690. Beograd, 2012. 175 p.
55. *Kizilov M. B.* Slave Trade in the Early Modern Crimea From the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History. Volume 11. № 1–2 (2007). pp. 1–31.
56. *Kocowski B.* Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r. Lublin, 1948. 70 p.
57. *Majewski R.* Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970. 256 p.
58. *Romański R.* Beresteczko 1651. Warszawa: Bellona, 1994. 219 p.
59. *Romuald R.* Największe błędy w wojnach polskich. Warszawa: Bellona, 2008. 189 p.
60. *Sarnicki S.* Księgi hetmańskie. Kraków: Jagellonica, 2015. 493 p.
61. *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych, 1646–1648: opowiadanie i źródła. Tom 2. Lwow, 1869. 396 p.
62. *Wagner M.* Kampania żwaniicka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013. 280 p.
63. *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. 385 p.
64. *Wójcicki Kaz. Wł.* Obrazy starodawne. Tom 2. Warszawa, 1843. 288 p.
65. *Żegota P.* Pieśni ludu ruskiego w Galicji. Tom 1. Lwów, 1839. 234 p.

Сведения об авторе: Шейхумеров Амет-хан Азизович, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); amet.sheykhumеров@mail.ru.

«Crimean art»: about little-known aspects of raids of the Crimean Tatars and Nogays

Amet-han Sheykhumerov

*(Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences)*

Abstract: Crimean Tatar's attacks on Ukrainian, Russian, Polish, Circassian, Moldavian lands, conducted with different intensity over three centuries, have rendered great influence on the history of Eastern Europe. Raids were caused by different causes: economic, ideological and political. While the role of economic factors were traditionally exaggerated by the historians. Attacks on nearby countries were an important component of the internal life of the Crimean Khanate, participation in them was a source of pride, a way of enrichment, and an increase in their status in society.

Despite of the destructive effects, the invasions of the Crimean and Nogai cavalry for the population of the region, it would be wrong to represent the raids only as monotonous looting. Thanks to numerous sources it is known that during the raids, people could save themselves, not only by fleeing or self-defense, but also cooperating with the attackers. Crimean Khans and their victims were above all living people. This led to a variety of situations in which the victims could be saved thanks to their own resourcefulness and interpersonal skills. The Crimean Tatars have applied various methods of treatment of a hostile population. In addition to the prevailing type of relationship (violence), the Crimeans treated humanely some people (primarily women), including those captured.

Keywords: Eastern Europe, collaborationism, Crimean Tatars, Crimean Khanate, raids, slavery.

For citation: Sheykhumerov A. A. «Crimean art»: about little-known aspects of raids of the Crimean Tatars and Nogays. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.71-95. DOI: 10.22378/kio.2019.1.71-95

REFERENCES

1. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII – XIX vv.* [Adyghes, Balkarians and Karachays in the news of European authors of the XIII – XIX centuries]. Nalchik, 1974. 635 p.
2. Azbelev S.N. *Istoricheskie pesni. Ballady*. [Historical songs. Ballads]. M., 1986. 622 p.
3. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 12. Saint-Petersburg, 1882. 874 p.

4. *Arkhiv Kosha Novoi Zaporoz'koi Sichi. 1734–1775. Korpus dokumentiv* [Archive of Kosh Zaporozhian Sich. 134–1775. Corpus of documents]. Vol. 2. K., 2000. 752 p.
5. Bakunina E.M. *Vospominaniya sestry miloserdiya Krestovozdvizhenskoy obshchiny (1854–1860)* [Memories of the Sister of Mercy of the Holy Cross Community (1854–1860)]. *Vestnik Evropy* [Herald Of Europe]. 1898. Vol. 2. Kn. 3–4. pp. 511–556
6. Borovoy S.Y. *Evreyskie khroniki XVII stoletiya. (Epokha “khmel'nichiny”)* [Jewish chronicles of the XVII century. (The era of “Khmelnichiny”)]. Ierusalim: Gesharim, 1997. 355 p.
7. Virs'kiy D. *Viyni ukraïnni: khroniki tatars'kogo prikordonnya Ukraïni (XVI – seredina XVII st.)* [Ukrainian Wars: Chronicles of the Tatar Border of Ukraine (XVI – middle of the XVII century)]. K., 2016. 299 p.
8. Voronchuk I.O. *Naselennya Volini v XVI – pershiy polovini XVII st.: rodina, domogospodarstvo, demografichni chinniki* [The population of Volyn in the XVI – first half of the XVII century: family, household, demographic factors]. K., 2012. 712 p.
9. Galenko O. *Zradniki-geroi abo ukraïns'kiy ideal poturechentsya* [Traitors-heroes or Ukrainian ideal of Slavic people taking Islam]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Anthology of social history]. Vol. 6. K., 2006. pp. 201–231
10. *Geroïchniy epos ukraïns'kogo narodu. Khrestomatiya* [Heroic epic of the Ukrainian people. Ukrainian Literature Reader]. K., 1993. 431 p.
11. Gliva A. *Asimetrichniy aspekt tatars'kogo viys'kovogo mistetstva (XVII st.)* [Asymmetric aspect of Tatar military art (XVII century)]. *Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal* [Ukrainian history magazine]. 2018. No3. Pp. 46–72
12. Gribovs'kiy V.V. *Tipologiya tatars'kikh nabigiv u XVIII st.* [Typology of Tatar raids in the XVIII century]. *Zapiski naukovo-doslidnoi laboratorii istorii Pivdennoi Ukraïni Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu: Pivdenna Ukraïna XVIII – XIX st.* [Zapiski Naukovo-Dolce laborator history Pudenda Zaporzhia sovereign Ukraine University: Pudenda Ukraine XVIII – XIX art.]. Vol. 5. 2000. Pp. 206–211
13. Gribovskiy V.V., Sen' D.V. *Kubanskiy sultan Bakhty-Girey: fenomen neligitimnoy vlasti v Krymsko m khanstve pervoy treti XVIII v.* [Kuban sultan Bahti Geray: phenomenon of illegitimate power in the Crimean khanate of the first third of the XVIII century]. *Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological collection 2011–2012: political and ethno-cultural history of Turkic peoples and States]. M., 2013. C. 92–137
14. Gulevich V.P. *Ot ordynskogo Ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg.* [From the Horde Ulus to the Girays Khanate: Crimea in 1399–1502]. Kazan, 2018. 492 p.
15. *Zherela do istorii Ukraïni-Rusi* [Source to the history of Ukraine-Rus]. Volume 6. Lvov, 1913. 425 p.
16. Kashchenko A. *Nevolya busurmans'ka v ukraïns'kiy narodniy poezii* [Busurman captivity in Ukrainian folk poetry]. Katerinoslav, 1918. 64 p.
17. Kovalev B.N. *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: types and forms]. Velikiy Novgorod, 2009. 372 p.
18. *Kyrymly Khadzhi Mekhmed Senai. Kniga pokhodov* [Book of campaigns]. Simferopol', 1998. 67 p.
19. Maksimovich M. *Malorossiyskie pesni* [Little Russian songs]. Moscow, 1827. 234 p.

20. Maksimovich M. *Ukrainskie narodnye pesni* [Ukrainian folk songs]. Part 1. Moscow, 1834. 180 p.
21. Mundt T. *Krym-Girey, soyuznik Fridrikha Velikogo. Prolog stolknoveniy mezhdu Rossiei i Turtsiei* [Crim-Giray, Frederick the Great's ally. Prologue of clashes between Russia and Turkey]. *Izvestiya Tavricheskoy uchetnoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida accounting archive Commission]. 1909. Tom 43. pp. 1–87
22. Ostapchuk V. *Khronika Remmalya Khodzhi «Istoriya Sagib Gerey khana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pokhodam* [The Chronicle of Remmal Hoca “The History of the Sahib Gerey Khan” as a source on the Crimean Tatar campaigns]. *Istochnikovedenie istorii Ulucha Dzhuchi. Ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Sources of the history Ulucha Jochi. From Kalki to Astrakhan 1223-1556]. Kazan', 2001. Pp. 391–421
23. Novosel'skiy A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [The struggle of the Muscov state with the Tatars in the first half of the XVII century]. M. – L., 1948. 447 p.
24. Pan'kiv M. *Toponimi, mikrotoponimi, legendi yak viyav etnokul'turnoi pam'yati pro tataro-turets'ki nabigi na Prikarpattya (XV–XVII st.)* [Toponyms, microtoponyms, legends as a manifestation of ethno-cultural memory of the Tatar-Turkish raids on the Outer Subcarpathia (XV–XVII centuries)]. *Karpati: lyudina, etnos, tsivilizatsiya* [Karpati: man, the etnosa civilizacia.]. 2012. Vol. 4. Pp. 91–102
25. *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Chast' II. Pesni bylevye, istoricheskie* [Songs collected by P.V. Kireevsky Part II. Folk songs, historical songs]. Moscow, 1868. 214 p.
26. Petrov A.N. *Voyna Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769–1774 god* [The War of Russia with Turkey and Polish Confederates from 1769–1774]. Volume I. 1769. St. Petersburg, 1866. 351 p.
27. Petrovs'kiy M. *Narisi istorii Ukraini XVII – pochatku XVIII st.* [Essays on the history of Ukraine of the XVII – beginning of XVIII century]. Kharkov, 1930. 454 p.
28. Prokhorov D.A. *Krymskoe khanstvo v kontekste chernomorskoy trgovli (XV–XVIII vv.)* [Crimean Khanate in the context of the Black Sea trade (XV–XVIII centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and Ethnography of Tavria]. 2001. Vol. 8. Pp. 388–403
29. *Puteshestvie g-na O. de lya Motre po Evrope, Azii i Afrike; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovaniya v Italii, Gretsii, Turtsii, v Tartarii (Krymu) i t.d.* [Travel of Mr. O. de la Motre to Europe, Asia and Africa; geographical, historical and political studies in Italy, Greece, Turkey, in Tartary (Crimea), etc.]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [The historical heritage of the Crimea]. 2006. No 12–13. Pp. 184–207
30. Rustemov O. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo khanstva: issledovaniya, teksty i perevody* [Kadiasker books of the Crimean Khanate: studies, texts and translations]. Simferopol', 2017. 280 p.
31. Sas P. *Shlyakh armii sultana Osmana II do Khotina 1621 r.* [The Army's Way of Sultan Osman II to Khotin in 1621]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi* [Ukraine in Central Europe]. 2014. Vol. 14. Pp. 56–70
32. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Imperial Russian Historical Society]. Vol. 95. Saint-Petersburg, 1895. 766 p.
33. Simanskaya E.E. *Gendernye oppozitsii v leksicheskoy sisteme krymsko-tatarsk-*

ogo yazyka [Gender oppositions in the lexical system of the Crimean Tatar language]. *Mova i kul'tura* [Mova i culture]. 2011. Vol. 14. Tom 6. Pp. 223–226

34. Skal'kovskiy A.A. *Istoriya Novoy Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo* [The story of New Sich or the successor of Kosh Zaporozhsky]. Part III. Odessa, 1846. 330 p.

35. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte to beginning of XVIII century]. St. Petersburg, 1887. 824 p.

36. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj Porty v XVIII veke* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the XVIII century]. Odessa, 1889. 253 p.

37. Striykovs'kiy M. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuds'kiy i vsieĭ Rusi* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Rus]. Lvov, 2011. 1075 p.

38. *Ukraĭns'ka poeziya. Seredina XVII st.* [Ukrainian poetry. Middle of the XVII century]. K., 1992. 680 p.

39. *Ukraĭns'ki narodni dumi. U 5 t. Tom 1. Dumi rann'ogo kozats'kogo periodu* [Ukrainians folk dumes. In 5 volumes. Volume 1. Dumes of the early Cossack period]. K., 2009. 856 p.

40. Useinov T.B. *Krymskotatarskaya dvortsovaya literatura XV–XVII vekov* [Crimean Tatar palace literature of the XV–XVII centuries]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [The culture of the black sea]. 2001. No 25. Pp. 102–105

41. Khaydarly D.I. *Politicheskie vzaimootnosheniya mezhdru Moldaviei i Krymskim khanstvom v XVIII v. «1718–1774 gg.»* [Political relations between Moldova and the Crimean Khanate in the XVIII century. “1718–1774”]: thesis for the title of candidate of historical Sciences: 07.00.02. Kishinev, 1998. 163 p.

42. Shevchuk V. *Muza roksolans'ka. Ukraĭns'ka literatura XVI–XVIII stolit'. U dvokh knigakh. Kniga 1: Renesans. Ranne baroko* [Roxolan muse. Ukrainian literature of the XVI–XVIII century. In two books. Book 1: Renaissance. Early baroque]. K., 2004. 401 p.

43. Evarnitskiy D.I. *Istochniki dlya istorii zaporozhskikh kozakov* [Sources for the history of Zaporizhzhya Cossacks]. Vol. I. Vladimir, 1906. 1072 p.

44. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. [Book of Travel (Extract from the writings of the 17th century Turkish traveler)]. Vol. 1. Lands of Moldova and Ukraine. M., 1961. 375 p.

45. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* [Book of Travel. Crimea and neighboring regions]. Simferopol', 2008. 274 p.

46. *Brian Glyn Williams. The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington: D.C.: The Jamestown Foundation, 2013. 54 p.

47. *Czołowski A. Najazd tatarów na Lwów w 1695 r.* Lwów, 1902. 47 p.

48. *Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 5, No. 2 (June 1981), Pp. 135–170

49. *Druszkiewicz S.Z. Pamiętniki 1648–1697*. Siedlce, 2001. 171 p.

50. *Gliwa A. Doświadczenie inwazji tatarskich w narracjach ludowych i pamięci zbiorowej jako niematerialne dziedzictwo kulturowe Polski południowo-wschodniej. Ochrona Zabytków*. 2014. No 1. Pp. 53–73

51. *Gliwa A. Strategie przetrwania ludności ziem południowo-wschodnich Rzecz-*

ypospolitej podczas najazdów tatarskich w XVII wieku. Hortus bellicus: studia z dziejów wojskowości nowożytnej: prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2017. Pp. 421–448

52. *Górka O.* Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk. Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. Vol. 8. Zeszyt 2. Pp. 185–295

53. *Inalcik H., Quataert D.* Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994. 1026 p.

54. *Katić T.* Tursko osvajanje Srbije 1690. godine The Ottoman Conquest of Serbia in 1690. Beograd, 2012. 175 p.

55. *Kizilov M.B.* Slave Trade in the Early Modern Crimea From the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History*. Vol. 11. No1–2 (2007). Pp. 1–31

56. *Kocowski B.* Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r. Lublin, 1948. 70 p.

57. *Majewski R.* Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970. 256 p.

58. *Romański R.* Beresteczko 1651. Warszawa: Bellona, 1994. 219 p.

59. *Romuald R.* Największe błędy w wojnach polskich. Warszawa: Bellona, 2008. 189 p.

60. *Sarnicki S.* Księgi hetmańskie. Kraków: Iagellonica, 2015. 493 p.

61. *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych, 1646–1648: opowiadanie i źródła. Tom 2. Lwow, 1869. 396 p.

62. *Wagner M.* Kampania żwaniecka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013. 280 p.

63. *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. 385 p.

64. *Wójcicki Kaz.* Wł. Obrazy starodawne. Tom 2. Warszawa, 1843. 288 p.

65. *Żegota P.* Pieśni ludu ruskiego w Galicji. Tom 1. Lwów, 1839. 234 p.

About the author: Sheykhumerov Amet-han Azizovich – laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Batirin St., 7A, Russian Federation); amet.sheykhumerov@mail.ru

